

УДК [[303.1:304.2]+316.752](985)(045)

DOI статьи: 10.17238/issn2221-2698.2017.29.57

Методологические и методические аспекты изучения социального самочувствия населения Арктической зоны Российской Федерации в контексте его ценностных ориентаций¹

© **Максимов Антон Михайлович**, кандидат политических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории обеспечения жизнедеятельности населения.

Телефон: 89009192304. E-mail: amm15nov@yandex.ru

Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени Н.П. Лаверова РАН, Архангельск, Россия.

© **Малинина Кристина Олеговна**, кандидат социологических наук, заведующая лабораторией обеспечения жизнедеятельности населения. Телефон: 89214719540. E-mail: malinina.ciom@gmail.com

Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени Н.П. Лаверова РАН, Архангельск, Россия.

© **Блынская Татьяна Анатольевна**, кандидат сельскохозяйственных наук, магистр социологии, старший научный сотрудник лаборатории обеспечения жизнедеятельности населения. Телефон: 89212443958. E-mail: tanja315@yandex.ru

Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени Н.П. Лаверова РАН, Архангельск, Россия.

© **Балицкая Светлана Михайловна**, магистр социологии,

младший научный сотрудник лаборатории обеспечения жизнедеятельности населения. Телефон: 89532690993. E-mail: swetlan91@yandex.ru

Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени Н.П. Лаверова РАН, Архангельск, Россия.

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы методологии изучения социального самочувствия населения в связи с его иерархиями ценностей и аттитюдами. Социальное самочувствие интерпретируется как интегральный показатель, имеющий два аспекта. Во-первых, социальное самочувствие отражает объективные параметры качества жизни, связанные с состоянием социально-экономической системы общества, уровня развития инфраструктуры, социальной защищённости и объёма политических прав. Во-вторых, оценку субъективного благополучия, включая общую удовлетворённость жизнью и социальный оптимизм. В статье дана общая характеристика основных международных и российских методик измерения качества жизни. Показана необходимость модификации имеющихся методик, чтобы наряду с сохранением универсальных инструментов измерения социального самочувствия ввести индикаторы, отражающие специфику условий жизнедеятельности в условиях Арктики. Дана характеристика методик международных исследований качества жизни в Арктике как пример такой модификации. В статье выражается идея, согласно которой изучение социального самочувствия следует осуществлять в контексте исследования ценностных ориентаций населения, поскольку последние выступают важной частью механизма интерпретации индивидами своего социально-экономического и политико-правового положения. Предлагается в качестве таких

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке ФАНО России в рамках научного проекта № 0409-2016-0021 «Мониторинг социально-психологической и социокультурной ситуации в Арктической зоне Российской Федерации».

дополнительных переменных, влияющих на состояние социального самочувствия, рассматривать как личные мотивационно-ценностные характеристики (доминирующие терминальные и инструментальные ценности), так и культурно детерминированные ценностно-поведенческие императивы, общепринятые в данном сообществе.

Ключевые слова: *социальное самочувствие, ценностные ориентации, качество жизни, субъективное благополучие, Арктическая зона РФ*

Methodological and methodical aspects of studying the social well-being of the population of the Arctic zone of the Russian Federation in the context of its value orientation

© **Anton M. Maximov**, Cand. Sci. (Pol), Senior Researcher of the Population Life Support Laboratory. Tel.: +79009192304. E-mail: amm15nov@yandex.ru

Federal Center for Integrated Arctic Research named after N.P. Laverov of the RAS, Arkhangelsk, Russia.

© **Kristina O. Malinina**, Cand. Sci. (Soc.), Head of the Population Life Support Laboratory. Tel.: +79214719540. E-mail: malinina.ciom@gmail.com

Federal Center for Integrated Arctic Research named after N.P. Laverov of the RAS, Arkhangelsk, Russia.

© **Tatyana A. Blynskaya**, Cand. Sci (Agri.), Master in Sociology, Senior Researcher of the Population Life Support Laboratory. Tel.: +79212443958. E-mail: tanja315@yandex.ru

Federal Center for Integrated Arctic Research named after N.P. Laverov of the RAS, Arkhangelsk, Russia.

© **Svetlana M. Balitskaya**, Master in Sociology, Junior Researcher of the Population Life Support Laboratory. Tel.: +79532690993. E-mail: swetlan91@yandex.ru

Federal Center for Integrated Arctic Research named after N.P. Laverov of the RAS, Arkhangelsk, Russia.

Abstract. The article considers the methodology problems of studying the population social well-being in relation to its hierarchies of values and attitudes. Social well-being is interpreted as an integral indicator with two aspects. First, social well-being represents the objective parameters of the quality of life related to the state of the socio-economic system of a society, the level of infrastructure development, social security and the quantity of political rights. Secondly, an evaluation of subjective well-being, including the overall satisfaction with life and social optimism. The article gives a general description of the main international and Russian methods for measuring the quality of life. The necessity of modification of existing methods is shown. It's proposed to be implemented by incorporating indicators that represent the specifics of living conditions in the Arctic, along with the preservation of universal tools for measuring social well-being. The characteristic of the international measurement methods of quality of life in the Arctic is given as an example of such modification. The article offers the idea that the study of social well-being should be done out in the context of the value orientation studies, because the latter is an important part of the individuals' interpretation of socio-economic, political and legal situation. It's proposed to use the additional variables, affecting the state of social well-being, such as personal motivational and value characteristics (dominant terminal and instrumental values) and culturally determinated value-behavioral imperatives common in a society.

Keywords: *social well-being, value orientations, the quality of life, subjective well-being, the Russian Arctic*

Введение

В числе приоритетных направлений Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации (далее — АЗРФ) на первое место поставлено её комплексное социально-экономическое развитие. Наряду с экономическими индексами, такими как ВРП, среднедушевой доход, напряжённость на рынке труда и многое другое, ключевыми параметрами

оценки динамики социально-экономического развития выступают показатели, отражающие социальное самочувствие населения. При этом, как показывают исследования отечественных социологов [1, Горшков М.К., с. 52–76], при измерении социального самочувствия важно учитывать ценностные ориентации населения той или иной страны, региона, поскольку оценка индивидами своего социального и материального положения интерпретируется сквозь призму иерархии жизненных ценностей и культурно обусловленных императивов поведения. Таким образом, знание региональных культурных особенностей помогает лучше интерпретировать получаемые данные, а на стадии разработки программы эмпирического исследования — повышать валидность его инструментария. Далее мы рассмотрим методологические и методические аспекты исследований социального самочувствия населения применительно к арктическим территориям, а также определим методологические возможности изучения динамики социально-экономического развития в контексте ценностных трансформаций.

Методологические аспекты эмпирических исследований социального самочувствия

Понятие «социальное самочувствие» не имеет общепринятой строгой дефиниции: его содержание может варьироваться в зависимости от дисциплинарной области (в психологии и социологии интерпретация категории социального самочувствия будет различной). Тем не менее можно утверждать, что существует концептуальное ядро данного термина, сближающее между собой его разнообразные дефиниции. При этом можно говорить о двух основных подходах: первый связан с трактовкой понятия в широком смысле как аналога социальных настроений, второй — в узком: как подобия субъективному благополучию.

Первый подход подразумевает рассмотрение, с одной стороны, общей оценки индивидами собственной жизни в контексте положения в обществе (социальная адаптация, материальное положение, социальный статус и т.п.), а с другой — оценку положения дел в стране (экономической и политической ситуации, деятельности властей и институтов) [2, Кученкова А.В., с. 120]. Второй подход к интерпретации категории социального самочувствия — через измерение удовлетворённости жизнью или различными её аспектами (сферами, доменами) [3, Балацкий Е.В.].

По мнению доктора соц. наук П.М. Козыревой, социальное самочувствие представляет собой субъективное выражение процесса и результата адаптации индивидов к социальным трансформациям и, следовательно, должно изучаться в свете этого явления [4, Козырева П.М., с. 25–26]. Она же предлагает измерять социальное самочувствие посредством трёх ключевых переменных: 1) удовлетворённости и стабильности существования, 2) статусной

идентичности (представления о своём положении в системе стратификации трансформирующегося российского общества), самооценки состояния здоровья (физического и психического) [5, Козырева П.М.].

Социальное самочувствие определяется комплексом факторов объективного и субъективного характера, интегральным показателем которых выступает качество жизни населения (иначе — социальное благополучие) [6, Морозова Т.В., Белая Р.В., Мурина С.Г., с. 141]. Качество жизни традиционно определяется через набор объективных характеристик конкретного социума, отражающих его общее экономическое и технологическое состояние [7, Айвазян С.А.]. Вместе с тем уже в последней четверти XX в. в научной литературе были высказаны критические суждения в отношении данного подхода, суть которых сводится к указанию на односторонность «объективистской» трактовки термина «качество жизни» и порождаемые этим парадоксы: при высоких показателях экономического развития население конкретной страны или региона может испытывать выраженную неудовлетворённость жизнью. В настоящее время справедливость такой критики не вызывает сомнений. В то же время социально-психологический подход, апеллирующий к концепту «субъективного благополучия» [8, Badoux A., Mendelsohn G.A.] как ключевой категории оценки качества жизни, представляет противоположную крайность — субъективные оценки степени удовлетворённости жизнью, представляя собой концентрированное выражение успешности / неуспешности реализации индивидуальной жизненной стратегии, при агрегации массовых данных всё-таки отражают состояние экономической подсистемы конкретного общества. Таким образом, задача состоит в поиске баланса между этими взаимодополняющими подходами.

Важным преимуществом социологического измерения субъективных оценок качества жизни выступает возможность зафиксировать дифференциацию соответствующих показателей по регионам, демографическим и профессиональным группам, обнаружить различия в качестве жизни, обусловленные не столько экономическими параметрами социальной системы, сколько культурными особенностями, коллективными установками и ценностными ориентациями, доминирующими в том или ином сообществе [9, Беляева Л.А., с. 34]. В связи с этим для изучения качества жизни на территориях Российской Арктики, которая представляет собой особое исторически сформировавшееся социокультурное пространство, данные массовых опросов населения на предмет выявления их «субъективного благополучия» являются необходимым дополнением к анализу данных экономической статистики.

Зарубежные и отечественные исследователи обращают внимание на то обстоятельство, что качество жизни определяется не только материальным благосостоянием отдель-

ных социальных групп и общества в целом, но и уровнем развития социальной инфраструктуры, включая институциональные возможности умножения человеческого капитала [10, Михайлова А.Н., Попова Л.Н, с. 264–265]. В Российской Арктике значение инфраструктурных факторов особенно велико, поскольку без обеспечения высокого качества социально-бытовых и культурно-досуговых условий существования населения его удержание на арктических территориях становится крайне проблематичным. Как следствие, без достаточных ресурсов человеческого капитала и квалифицированной рабочей силы реализация многих стратегических задач развития АЗРФ может быть поставлена под сомнение.

***Методики изучения социального самочувствия:
зарубежные и отечественные разработки***

Обращаясь к конкретным методикам измерения социального самочувствия, упомянем в первую очередь те из них, которые используются при проведении сравнительных межстрановых исследований.

Так, исследователи из Института Гэллапа Т. Рат и Дж. Хартер, предлагая свою трактовку понятия социального благополучия (well-being), выделяют пять ключевых элементов, из которых оно складывается:

- 1) карьера (career well-being) — отражает то, насколько люди успешно оценивают свой карьерный рост или в целом удовлетворены своей работой;
- 2) личное благополучие (social well-being в узком смысле слова) — показатель качества межличностных отношений в семье и среди друзей (т.н. «сильные связи»);
- 3) финансовое благополучие (financial well-being) — комплексный показатель, включающий уровень дохода, сбережения, имущество и пр.;
- 4) физическое (телесное) благополучие (physical well-being) — самооценка физического и ментального здоровья;
- 5) благополучие человека как члена местного сообщества (community well-being) — показывает степень включённости в жизнь местного сообщества и объём социального капитала (т.н. «слабые связи»; отрицательное значение показателя на практике означает социальную изоляцию индивида) [11, Rath T., Harter J.].

Широко известна методика ООН, используемая для расчёта индекса человеческого развития (до 2013 г. — индекс развития человеческого потенциала). Данный индекс разработан для сравнения стран и публикуется в ежегодных Докладах Программы развития ООН с 1990 г. Расчёт этого индекса возможен также и для отдельных регионов. Индекс человеческого развития, являясь интегральным показателем, включает три компонента:

- 1) индекс ожидаемой продолжительности жизни: здоровье и долголетие, измеряемые показателем средней ожидаемой продолжительности жизни при рождении;
- 2) индекс образования: доступ к образованию, измеряемый средней ожидаемой продолжительностью обучения детей школьного возраста и средней продолжительностью обучения взрослого населения;

3) индекс валового национального дохода: достойный уровень жизни, измеряемый величиной валового национального дохода (ВНД) на душу населения в долларах США по паритету покупательной способности (ППС).

Каждый из указанных индексов стандартизируется в виде числовых значений от 0 до 1, среднее геометрическое которых и представляет собой индекс человеческого развития (в диапазоне от 0 до 1). Методика расчёта частных индексов подробно описана на сайте Программы человеческого развития ООН (<http://hdr.undp.org/en/data>).

Вместе с тем очевидно, что данный индекс либо не учитывает, либо лишь косвенно отражает такие важные компоненты качества жизни как безопасность жизнедеятельности, состояние окружающей среды, качество политического управления, уверенность в завтрашнем дне (социальный оптимизм) и многие другие.

Среди методик исследования социального благополучия, применяемых международными организациями, заслуживают внимания методики Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ).

Индекс лучшей жизни (The OECD Better Life Index) представляет собой попытку свести воедино измеримые показатели благосостояния. В соответствии с методологией ОЭСР, для расчёта индекса используются 11 основных категорий, которые отражают различные аспекты жизни людей и параметры общественного благосостояния. В основе каждого аспекта лежит от одного до трёх показателей.

Таблица 1

Система индикаторов для расчёта Better Index of Life²

КАТЕГОРИЯ АНАЛИЗА	ПОКАЗАТЕЛЬ (ИНДИКАТОР)
1. Жилищные условия	■ количество комнат на человека; ■ жильё с основными коммунальными удобствами; ■ расходы на жильё
2. Доходы	■ скорректированный чистый доход домохозяйства после уплаты налогов; ■ финансовое благосостояние домохозяйства
3. Работа	■ уровень занятости; ■ уровень длительной безработицы; ■ средняя заработная плата; ■ гарантия занятости
4. Общество	■ сеть социальной поддержки
5. Образование	■ уровень образования; ■ знания и навыки учащихся³; ■ количество лет для получения образования
6. Экология	■ уровень загрязнения воздуха; ■ качество воды
7. Гражданские права	■ уровень активности избирателей; ■ уровень подотчётности государственных учреждений и прозрачности власти при разработке законодательства

² OECD Better Life Index. URL: <http://www.oecdbetterlifeindex.org> (дата обращения: 22.11.2017)

³ Для расчёта используются методики PIRLS, TIMSS, PISA.

8. Здоровье	■ средняя продолжительность жизни; ■ самостоятельная оценка состояния здоровья
9. Удовлетворённость	■ удовлетворённость жизнью
10. Безопасность	■ показатель количества нападений; ■ показатель количества убийств
11. Работа / отдых	■ время, посвящённое работе, в том числе сверхурочной; ■ время, посвящённое отдыху и уходу за собой

Указанные категории подразделяются на две группы: аспекты благополучия с точки зрения материальных условий жизни (жилищные условия, доход, работа) и с точки зрения возможностей удовлетворения социальных, культурных и политических потребностей (общество, образование, экология, гражданские права, состояние здоровья, удовлетворённость жизнью, безопасность, баланс работы и личной жизни). Индекс определяется путём вычисления средневзвешенного значения перечисленных выше показателей. Показатели базируются на данных государственной статистики и социологических исследований.

Всемирной организацией здравоохранения был разработан опросник качества жизни населения (The World Health Organization Quality of Life — WHOQOL). Качество жизни человека, по определению ВОЗ, — это степень комфортности человека как внутри себя, так и в окружающей среде, которая определяется влияющими на него физическими, социальными и эмоциональными факторами жизни. Хотя опросник WHOQOL в первую очередь направлен на оценку состояния физического и психического здоровья граждан определённой страны, он включает также ряд вопросов, посредством которых измеряется оценка респондентами своего психологического состояния, социального окружения и инфраструктуры, безопасности, жизненных целей, ценностей и убеждений. В соответствии с методикой WHOQOL, все вопросы сгруппированы в блоки (домены). В настоящее время таких доменов выделяется шесть:

1. Физическое состояние.
2. Психологическое состояние.
3. Независимость (от помощи окружающих).
4. Социальные отношения.
5. Окружение (качество внешней среды).
6. Духовная сфера.

Для измерения каждой переменной в вопросах используются порядковые 5-балльные шкалы. Агрегированные показатели рассчитываются как среднее арифметическое / средневзвешенное значений всех индикаторов одного домена⁴.

Методика оценки качеств жизни, предлагаемая ВОЗ, отражает широко распространённый взгляд на этот феномен как комплексный и многофакторный, требующий учёта не

⁴ Подробнее с инструментарием исследования WHOQOL можно ознакомиться на официальном сайте ВОЗ. URL: http://www.who.int/mental_health/publications/whoqol/en/ (дата обращения: 24.11.2017)

только объективно и более-менее точно измеримых показателей экономического благополучия и неравенства, развитости инфраструктуры или медицинских проблем населения, но и субъективных мнений людей касательно условий своего существования, удовлетворённости витальных и духовных потребностей и состоянии социальных отношений. Следует отметить, что в методологии WHOQOL этим аспектам уделяется больше места в сравнении с подходом ОЭСР, что делает её полезной для исследования социального самочувствия жителей какого-либо региона.

Среди отечественных методик обследования качества жизни населения одной из наиболее проработанных является методика, применяемая в рамках проекта НИУ «Высшая Школа экономики» «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения». Данная методика позволяет собрать репрезентативные данные, прежде всего, по состоянию и динамике микроэкономических показателей домохозяйств и отдельных индивидов, располагаемого ими человеческого капитала (структура доходов и расходов, материальное благосостояние, занятость, миграционное поведение, здоровье и питание, образовательные траектории, досуг и др.). Подробно с методикой, индикаторами, опросниками и данными, ежегодно получаемыми в рамках мониторинга, можно ознакомиться на сайте Высшей Школы экономики (<https://www.hse.ru/rlms/>).

Ещё одна методика измерения качества жизни была разработана в рамках проекта Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН Н.И. Лапиным и Л.А. Беляевой [12, Лапин Н.И., Беляева Л.А.]. Система индексов, предлагаемых этой методикой, отражена в таблице 2 [9, Беляева Л.А., с. 37–38].

Таблица 2

Система индексов для измерения качества жизни по методике Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН

КОМПОНЕНТЫ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ	ЧАСТНЫЕ ИНДЕКСЫ
I. Уровень жизни (благосостояние)	1. Индекс материального уровня жизни 2. Индекс удовлетворённости жильем 3. Индекс доступности медицинской помощи 4. Индекс доступности образования
II. Качество ближайшей социальной среды	1. Индекс самоидентификации с жителями своего поселения 2. Индекс защищённости от преступности 3. Индекс защищённости от бедности 4. Индекс защищённости от произвола чиновников 5. Индекс защищённости от произвола правоохранительных органов
III. Качество окружающей природной среды	1. Индекс защищённости от экологической угрозы 2. Индекс чистоты воздуха 3. Индекс чистоты воды
IV. Социальное самочувствие населения	1. Индекс уверенности в будущем 2. Индекс удовлетворённости жизнью

3. Индекс самостоятельности

Формула расчёта частных индексов: $I_{\text{частн.}} = (X - Y) + 100$, где X — доля положительных ответов (оценок), Y — доля отрицательных. Обобщающие индексы по каждому из компонентов качества жизни ($I_{\text{комп.}}$) рассчитываются как среднее арифметическое частных индексов, а интегральный индекс (качества жизни) — как среднее арифметическое обобщающих индексов по компонентам.

Вышеописанные методики, при всех присущих им достоинствах, слабо учитывают специфику жизнедеятельности на арктических территориях, для которых характерны очаговый тип расселения, ограниченность ресурсов транспортной инфраструктуры, экстремальные природно-климатические условия, специфическая отраслевая структура региональных экономик, сохранение элементов традиционного хозяйства и культуры среди проживающих на этих территориях коренных народов, острые демографические проблемы и дополнительные трудности с привлечением, а также воспроизводством и сохранением высококвалифицированной рабочей силы.

С начала XXI в. в среде исследователей Арктики наблюдаются попытки создания и апробации разнообразных методик исследования качества жизни и социального самочувствия населения с учётом специфики условий их жизнедеятельности на арктических территориях. Среди этих попыток наиболее значительными стали проекты The Arctic Social Indicators (ASI) и Survey of Living Conditions in the Arctic (SLiCA).

Проект Arctic Social Indicators был инициирован международной группой исследователей Арктики по итогам доклада о человеческом развитии в Арктике (Arctic Human Development Report), подготовленного для Арктического совета в 2004 г. В исследованиях, проводимых по методике ASI, для оценки качества жизни жителей арктических территорий изучаются состояние здоровья населения, материальное благополучие, образовательные возможности, культурное благополучие, связь с природной средой (contact with nature), возможности контролировать свою судьбу (fate control). Разработанная исследовательской группой ASI система индикаторов в общем виде представлена в таблице 3 [13, Arctic Social Indicators, с. 29–145].

Таблица 3

Система индикаторов Arctic Social Indicators

КАТЕГОРИЯ АНАЛИЗА	ИНДИКАТОРЫ
Здоровье	- младенческая смертность - детская смертность - доступность медицинского обслуживания - процент самоубийств - самооценка здоровья

		- процент страдающих ожирением - процент курящих
Материальное благополучие		- ВВП на душу населения - среднедушевой доход - уровень безработицы - уровень бедности - объём продукции традиционного (натурального) хозяйства (на душу населения) - показатель чистой миграции
Образование		- доля лиц, получающих профессиональное образование (учащиеся колледжа, университета) - доля лиц, успешно закончивших колледж, университет - доля выпускников колледжей, университетов, которые в течение последующих 10 лет оставались на арктической территории
Культурное благополучие		- культурная автономия - сохранение языка (доля представителей малочисленных коренных народов, владеющих родным языком) - процент населения, вовлечённого в рекреационные мероприятия на локальном уровне - процент населения, занятого подсобным хозяйством на локальном уровне
Связь с природной средой		- производство продукции (пищевой) традиционного хозяйства - потребление продукции (пищевой) традиционного хозяйства
Возможности контролировать свою судьбу	Индикаторы, характеризующие местное сообщество	- представительство коренных народов в местных органах власти - площадь территории, переданной в пользование общинам коренных народов - бюджетные полномочия местных / региональных органов власти на арктических территориях
	Индикаторы, характеризующие участие индивида в жизни местного сообщества	- электоральная активность - возможности коллективного (общественного) распоряжения природными ресурсами на локальном уровне - удовлетворённость уровнем жизни - возможности (условия) для сохранения родного языка

Поскольку представленная система индикаторов разрабатывалась в целях обследования условий жизнедеятельности малочисленных коренных народов, проживающих на арктических территориях, очевидны ограничения, которые накладывает методика ASI на изучение качества жизни и социального благополучия жителей Арктики за пределами мест традиционного обитания коренных народов. В урбанизированных зонах со смешанным в этнокультурном отношении населением, включая региональные центры и моногорода, где наблюдаются иные виды хозяйственной активности и наличествуют иные институциональные формы публичной жизни, использование данной методики не вполне адекватно исследовательским задачам измерения социального самочувствия населения. Вместе с тем, данная методика позволяет получить релевантные данные по территориям, где население

представлено преимущественно коренными народами, ведущими традиционный образ жизни.

Методика SLiCA апробировалась и дорабатывалась в рамках реализации многолетнего международного исследовательского проекта изучения условий жизни автохтонного населения арктических территорий США, Канады, Дании, Швеции, Норвегии и России (инуитов, саамов, коренных народов Чукотки)⁵. Несмотря на то обстоятельство, что авторы методики указывают на необходимость адаптации инструментария к особенностям конкретного региона и исследуемой этносоциальной общности, положенные в её основу идеи остаются неизменными. Конкретно исследовательская программа проекта SLiCA предполагает измерение положения жителей арктических территорий по следующим направлениям: семейные отношения и экономика домохозяйства; мобильность (географическая), язык и образование; образ жизни (занятость, досуг, ценности и верования, идентичность, здоровье); среда (жилищные условия, доходы и расходы, безопасность и правовая защищённость, техническая инфраструктура); экологическая обстановка, отношения внутри местного сообщества и участие в публичной сфере [14, Birger Poppel, с. 109].

Социальное самочувствие в свете исследований ценностных ориентаций

В отечественной исследовательской практике имеется опыт изучения социального самочувствия жителей арктических территорий — на основе методик, как рассмотренных выше, так и некоторых других [6, Морозова Т.В., Белая Р.В., Мурина С.Г.; 10, Михайлова А.Н., Попова Л.Н.; 15, Осипова О.В., Маклашова Е.Г.; 16, Попов А.И., Попова Т.Л.; 17, Ромашкина Г.Ф., Крыжановский О.А., Ромашкин Г.С.]. Однако в этих работах не наблюдается попыток выявить связь между переменными, отражающими ценностные ориентации населения, и индикаторами субъективных оценок социального благополучия. Вследствие этого игнорируется важный фактор социального самочувствия, поскольку объективные параметры социально-бытового, экономического и политико-правового положения индивидов влияют на его оценку не непосредственно, а лишь будучи интерпретированы в контексте актуальной ценностной иерархии и установок (аттитюдов). При этом необходимо учитывать, что на индивидуальном уровне, в сравнении с уровнем социетальным, системы ценностей организованы в соответствии с иными принципами. В одном случае мы имеем дело с мотивационно-ценностной системой, организующей приоритетные жизненные цели индивидов и приемлемые с их точки зрения средства целедостижения (терминальные и инструментальные

⁵ Результаты данного исследования были представлены в Гренландском университете в мае 2011 г. Финансовая поддержка была оказана международными организациями, включая Совет Министров Северных Стран, Баренц-Секретариат и др., и государственными структурами ряда стран-участниц Арктического совета.

ценности, согласно М. Рокичу). В другом случае речь идёт о нормативных культурно-ценностных ориентациях, отражающих доминирующие, институционально поддерживаемые коллективные представления о правильном и девиантном поведении, обладающие для индивида принудительной силой. В связи с этим между культурно предписываемыми и личными ценностями в случае, когда они одновременно регулируют одну и ту же сферу социальных практик, вопреки ожиданию вполне может наблюдаться отрицательная корреляция [18, Schwartz S.H.].

Р. Инглхарт, один из инициаторов международного проекта World Values Survey, является ведущей фигурой в области исследования ценностей и убеждений. Он указывает на диалектическую связь между культурными и ментальными характеристиками национальных и региональных сообществ и существующими в них экономическими институтами. Выявленная в ходе масштабных сравнительных эмпирических исследований дифференциация культурных признаков концептуально осмысливается Р. Инглхартом и его коллегами (в частности, К. Вельцелем) через противопоставление систем ценностных ориентаций, а именно 1) традиционные ценности — секулярно-рациональные ценности; 2) «ценности выживания» (survival values) — «ценности самовыражения» (self-expression values) [19, Инглхарт Р., Вельцель К., с. 80].

Одна из продуктивных гипотез учёного связана с идеей, что межпоколенческие изменения в системах ценностей (от традиционных к секулярно-рациональным и от ценностей выживания к ценностям самовыражения), обусловленные первоначально фундаментальными социально-экономическими сдвигами, в свою очередь становятся одним из основных факторов, определяющих содержание повседневных практик индивидов (экономических, политических, семейно-брачных и др.) [20, Инглхарт Р.].

Другая значимая гипотеза Р. Инглхарта и К. Вельцеля, основанная на эмпирически фиксируемой тенденции, заключается в том, что по мере расширения возможностей (экономических, политико-правовых) для достижения социального благополучия в агрегированной оценке социального самочувствия и качества жизни всё большую роль начинает играть оценка людьми возможностей своего участия в жизни социума (посредством публичных и общественных институтов). Отсюда логически следует, что высокий уровень демократизации общества, реальные гарантии политических прав и свобод в условиях культурных и социально-экономических трансформаций в странах Модерна на рубеже XX–XXI вв. становятся необходимым условием для поддержания высокого уровня социального самочувствия, а высокие показатели дохода и экономической безопасности перестают быть достаточным фактором в этом процессе [21, Welzel C., Inglehart R.].

Г. Хофстеде, интерпретируя культуру как «коллективное программирование сознания, которое отличает членов одной группы или типа людей от других» [22, Хофстеде Г., с. 10], на основе данных межстрановых сравнительных исследований культурных различий разработал шестимерную систему ценностных координат, детерминирующих стандарты и паттерны поведения в конкретном обществе. Аспекты (измерения) культуры в этой системе обозначаются им через набор её дихотомических характеристик: «дистанция власти (большая / меньшая)», «избегание неопределенности (большее / меньшее)», «индивидуализм / коллективизм», «маскулинность / феминность», «долгосрочная / краткосрочная временные ориентации», «потворство желаниям / сдержанность» [22, Хофстеде Г., с. 21–33].

Как и у Р. Инглхарта, в центре исследований Ш. Шварца находится взаимосвязь нормативных ценностных предписаний, опосредующих и поддерживающих определённые модели социальных отношений, и уровня социально-экономического развития территорий (стран, регионов). В основе его подхода — выделение базовых культурно обусловленных ценностных ориентаций, преобладающих в определённом обществе, которые отражают то, каким образом в этом обществе организовано разрешение фундаментальных проблем регулирования человеческого поведения. В числе этих проблем Ш. Шварц выделяет 1) определение природы отношений и границ между личностью и группой; 2) обеспечение воспроизводимости социального порядка; 3) регуляцию использования человеческих и природных ресурсов. Учёный априорно вводит для каждой фундаментальной проблемы по два полярных варианта культурного «ответа» (в форме определённой базовой ценностной ориентации), которые являются веберовскими идеальными типами, тогда как реальная ситуация представляет собой тот или иной промежуточный вариант. Рецепт решения первой проблемы заключён в выборе обществом позиции между альтернативными ценностями, обозначенными Ш. Шварцем как автономия и принадлежность. Решение второй проблемы предполагает большую или меньшую приверженность либо ценности равноправия, либо ценности иерархии. Наконец, ответ на третью проблему находится внутри культурной дихотомии, выражающейся через противопоставление ценностей «гармонии» и «мастерства» [23, Шварц Ш., с. 37–67]. В обобщённом виде концепция Ш. Шварца представлена на рис. 1.

Рисунок 1. Культурные ценностные ориентации: теоретическая структура.

Заключение

Эмпирические исследования социального самочувствия населения АЗРФ нуждаются в разработке такого инструментария, который позволил бы интегрировать три группы индикаторов: 1) отражающих социально-экономическое положение жителей Российской Арктики, 2) отражающих их субъективные оценки личного и социального благополучия, 3) отражающие ценностные ориентации, опосредующие связь между переменными первой и второй групп.

В дополнение к адаптированным под специфику арктических территорий методикам измерения социального самочувствия, обращение к рассмотренным выше подходам в исследовании ценностей позволит вписать данные по населению АЗРФ в широкий контекст международного и кросс-регионального сравнительного анализа культур, а значит и определить социокультурную типологическую нишу как Российской Арктики в целом, так и отдельных включённых в неё территорий.

С точки зрения развития социокультурных процессов в пространстве АЗРФ, данная методологическая ориентация представляется плодотворной для определения взаимозависимости этих процессов и социально-экономической динамики арктических территорий России.

Литература

1. Российское общество и вызовы времени. Книга первая / М.К. Горшков [и др.]; под ред. Горшкова М.К., Петухова В.В. М.: Издательство «Весь Мир», 2015. 336 с.
2. Кученкова А.В. Социальное самочувствие и субъективное благополучие: соотношение понятий и способов измерения // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2016. № 2 (4). С. 118–127.
3. Балацкий Е.В. Методы диагностики социального самочувствия населения // Мониторинг общественного мнения. 2005. № 3. С. 47–53.

4. Козырева П.М. Социальная адаптация населения России в постсоветский период // Социологические исследования. 2011. № 6. С. 24–36.
5. Козырева П.М. Процессы адаптации и эволюция социального самочувствия россиян на рубеже XX–XXI веков. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2004. 319 с.
6. Морозова Т.В., Белая Р.В., Мурина С.Г. Оценка качества жизни на основе индикаторов социально-экономического благополучия населения // Труды Карельского научного центра РАН. 2013. № 5. С. 140–145.
7. Айвазян С.А. Интегральные индикаторы качества жизни населения: их построение и использование в социально-экономическом управлении и межрегиональных сопоставлениях. М.: ЦЭМИ РАН, 2000. 118 с.
8. Badoux A., Mendelsohn G.A. Subjective Wellbeing in French and American Samples: Scale Development and Comparative Data // Quality of Life Research. 1994. Vol. 3. Iss. 6. Pp. 395–401.
9. Беляева Л.А. Уровень и качество жизни. Проблемы измерения и интерпретации // Социологические исследования. 2009. № 1. С. 33–42.
10. Михайлова А.Н., Попова Л.Н. Анализ качества жизни и человеческого потенциала (на примере регионов Арктической зоны России) // Теория устойчивого развития экономики и промышленности. СПб, 2016. С. 258–292.
11. Rath T., Harter J. Wellbeing: The Five Essential Elements. Gallup Press, 2011. 240 p.
12. Лапин Н.И., Беляева Л.А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация — 2010). М.: МФРАН, 2010. 111 с.
13. Arctic Social Indicators / Editors: Joan Nymand Larsen, Peter Schweitzer and Gail Fondahl (2010). Copenhagen, Nordic Council of Ministers. 159 p.
14. SLICA: Arctic living conditions / Birger Poppel (ed.) (2015). Copenhagen, Nordic Council of Ministers. 427 p.
15. Осипова О.В., Маклашова Е.Г. Миграционные намерения молодёжи Арктики в контексте субъективных оценок социального самочувствия // Арктика и Север. 2016. № 24. С. 14–26. DOI 10.17238/issn2221-2698.2016.24.14
16. Попов А.И., Попова Т.Л. Медико-социальные проблемы жителей Ямала: стресс и удовлетворённость жизнью // Научный вестник ЯНАО. 2015. № 3 (88). С. 63–66.
17. Ромашкина Г.Ф., Крыжановский О.А., Ромашкин Г.С. Оценка составляющих социального самочувствия населения Арктического региона // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2015. Т. 6. № 4. С. 58–63.
18. Schwartz S.H. Cultural value differences: Some implications for work // Applied Psychology: An International Review. 1999. № 48. Pp. 23–47.
19. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. 464 с.
20. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. № 4. С. 6–23.
21. Welzel C., Inglehart R. (2010) Agency, Values, and Well-Being: A Human Development Model. URL: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007%2Fs11205-009-9557-z.pdf> (дата обращения: 07.11.2017)
22. Хофстеде Г. Модель Хофстеде в контексте: параметры количественной характеристики культур // Язык, коммуникация и социальная среда. 2014. № 12. С. 10–49.
23. Шварц Ш. Культурные ценностные ориентации: природа и следствия национальных различий // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2008. Т. 5. № 2. С. 37–67.

References

1. *Rossiiskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga pervaja* [Russian society and challenges of time] / М.К. Gorshkov [i dr.]; pod red. Gorshkova M.K., Petuhova V.V. М.: Izdatel'stvo «Ves' Mir», 2015, 336 p. [in Russian]
2. Kuchenkova A.V. Social'noe samochuvstvie i sub'ektivnoe blagopoluchie: sootnoshenie ponjatij i sposobov izmerenija [Social well-being and subjective well-being: a correlation of concepts and methods of measurement], *Vestnik RGGU. Serija: Filosofija. Sociologija. Iskuststvedenie*, 2016, No. 2 (4), pp. 118–127. [in Russian]

3. Balackij E.V. Metody diagnostiki social'nogo samochuvstvija naselenija [Methods for diagnosing the social well-being of the population], *Monitoring obshhestvennogo mnenija*, 2005, No. 3, pp. 47–53. [in Russian]
4. Kozyreva P.M. Social'naja adaptacija naselenija Rossii v postsovetский period [Social adaptation of the Russia's population in the post-Soviet period], *Sociologicheskie issledovanija*, 2011, No. 6, pp. 24–36. [in Russian]
5. Kozyreva P.M. *Processy adaptacii i jevoljucija social'nogo samochuvstvija rossijan na rubezhe XX–XXI vekov* [The processes of adaptation and the social well-being' evolution of Russians at the turn of the XX–XXI centuries], M.: Centr obshhechelovecheskih cennostej, 2004, 319 p. [in Russian]
6. Morozova T.V., Belaja R.V., Murina S.G. Ocenka kachestva zhizni na osnove indikatorov social'no-jekonomicheskogo blagopoluchija naselenija [Evaluation of the quality of life based on the socio-economic well-being of the population' indicators], *Trudy Karel'skogo nauchnogo centra RAN*, 2013, No. 5, pp. 140–145. [in Russian]
7. Ajvazjan S.A. *Integral'nye indikatory kachestva zhizni naselenija: ih postroenie i ispol'zovanie v social'no-jekonomicheskom upravlenii i mezhregional'nyh sopostavlenijah* [Integral indicators of the population' quality of life: their construction and use in socio-economic management and interregional comparisons], M.: CJEMI RAN, 2000, 118 p. [in Russian]
8. Badoux A., Mendelsohn G.A. Subjective Wellbeing in French and American Samples: Scale Development and Comparative Data, *Quality of Life Research*, 1994, Vol. 3, Iss. 6, pp. 395–401.
9. Beljaeva L.A. Uroven' i kachestvo zhizni. Problemy izmerenija i interpretacii [Level and quality of life. The problems of measurement and interpretation], *Sociologicheskie issledovanija*, 2009, No. 1, pp. 33–42. [in Russian]
10. Mihajlova A.N., Popova L.N. Analiz kachestva zhizni i chelovecheskogo potenciala (na primere regionov Arkticheskoy zony Rossii) [The quality of life' analysis and human potential (on the example of the Russian Arctic regions)], *Teoriya ustojchivogo razvitiya jekonomiki i promyshlennosti*, SPb, 2016, pp. 258–292. [in Russian]
11. Rath T., Harter J. *Wellbeing: The Five Essential Elements*, Gallup Press, 2011, 240 p.
12. Lapin N.I., Beljaeva L.A. *Programma i tipovoj instrumentarij «Sociokul'turnyj portret regiona Rossii» (Modifikacija — 2010)* [The program and the standard toolkit "Sociocultural portrait of the Russian region" (Modification — 2010)], M.: MFRAN, 2010, 111 p. [in Russian]
13. Arctic Social Indicators / Editors: Joan Nymand Larsen, Peter Schweitzer and Gail Fondahl (2010). Copenhagen, Nordic Council of Ministers. 159 p.
14. SLiCA: Arctic living conditions / Birger Poppel (ed.) (2015). Copenhagen, Nordic Council of Ministers, 427 p.
15. Osipova O.V., Maklashova E.G. Migracionnye namerenija molodjozhi Arktiki v kontekste sub'ektivnyh ocenok social'nogo samochuvstvija [Migration intentions of the Arctic youth in the context of social well-being' subjective opinions], *Arktika i Sever*, 2016, No. 24, pp. 14–26. DOI 10.17238/issn2221-2698.2016.24.14 [in Russian]
16. Popov A.I., Popova T.L. Mediko-social'nye problemy zhitelej Jamala: stress i udovletvorennost' zhizn'ju [Medical and social problems of Yamal' residents: stress and satisfaction with life], *Nauchnyj vestnik JaNAO*, 2015, No. 3 (88), pp. 63–66. [in Russian]
17. Romashkina G.F., Kryzhanovskij O.A., Romashkin G.S. Ocenka sostavljajushhih social'nogo samochuvstvija naselenija Arkticheskogo regiona [Evaluation of the components of the social well-being of the population of the Arctic region], *MIR (Modernizacija. Innovacii. Razvitie)*, 2015, T. 6, No. 4, pp. 58–63. [in Russian]
18. Schwartz S.H. Cultural value differences: Some implications for work, *Applied Psychology: An International Review*, 1999, No. 48, pp. 23–47.
19. Inghart R., Vel'cel' K. *Modernizacija, kul'turnye izmenenija i demokratija: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya* [Modernization, cultural change and democracy: The sequence of human development], M.: Novoe izdatel'stvo, 2011, 464 p. [in Russian]
20. Inghart R. Postmodern: menjajushhiesja cennosti i izmenjajushhiesja obshhestva [Postmodern: changing values and changing societies], *Polis*, 1997, No. 4, pp. 6–23. [in Russian]
21. Welzel C., Inglehart R. (2010) Agency, Values, and Well-Being: A Human Development Model. URL: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007%2Fs11205-009-9557-z.pdf>

22. Hofstede G. Model' Hofstede v kontekste: parametry kolichestvennoj harakteristiki kul'tur [Hofstede model in the context of: parameters of quantitative characteristics of culture], *Jazyk, kommunikacija i social'naja sreda*, 2014, No. 12, pp. 10–49. [in Russian]
23. Shvarc Sh. Kul'turnye cennostnye orientacii: priroda i sledstvija nacional'nyh razlichij [Cultural value orientations: the nature and consequences of national differences], *Psihologija. Zhurnal Vysšej shkoly jekonomiki*, 2008, T. 5, No. 2, pp. 37–67. [in Russian]